

*Аналитические доклады Института Кавказа
№1, январь 2010*

**Александр Искандарян
Сергей Минасян**

**Прагматичность
политики сквозь реалии
исторических ограничений:
анализируя армяно-
турецкий процесс**

УДК 327 : 32.001
ББК 66.44 + 66
И 860

И 860 Искандарян А., Минасян С.

Прагматичность политики сквозь реалии исторических ограничений: анализируя армяно-турецкий процесс. *Аналитические доклады Института Кавказа, №1, январь 2010.* — Ер.: Институт Кавказа, 2010. — 59 с.

Первый номер Аналитических докладов Института Кавказа, посвященный исследованию армяно-турецкого процесса, открывает серию работ по освещению наиболее актуальных и значимых проблем общественно-политического и социально-экономического развития Армении и всего региона Южного Кавказа. Основная задача доклада — выявить ключевые параметры и тренды в рамках армяно-турецких отношений, фокусируясь не на фактах и хронологии последних лет, которые общеизвестны и многократно обсуждены, а на политических, социальных, ментальных и исторических факторах, влияющих на данный политический процесс в целом, а также проанализировать логику их системной взаимосвязи. Доклад представляет интерес как для специалистов-политологов, так и для широкого круга читателей.

Редактор: **Искандарян Н.**

Дизайн и верстка: студия «*Коллаж*» / www.collage.am

УДК 327 : 32.001
ББК 66.4 + 66

ISBN 978-99941-2-341-4

© Институт Кавказа, 2010
© 2010 by Caucasus Institute

Издание опубликовано при поддержке Европейского Союза

Содержание

1. Введение	5
2. Динамика армяно-турецких отношений (1991-2009 гг.)	7
2.1. Статичность: декабрь 1991 – май 2008 г.	7
2.2. Ускорение: май 2008 - апрель 2009 гг.	9
2.3. «Дорожная карта» и подписание протоколов (апрель – октябрь 2009 г.)	12
3. Ограничения процесса	17
3.1. Армения: внутренние стереотипы и «историофобия»	17
3.2. Фактор армянской диаспоры	23
3.3. Турция: «севрский синдром» и феномен «глубинного государства»	26
3.4. Азербайджан и инструментализация «карабахского фактора» Турцией	28

4. Контекст процесса	37
4.1. Фактор Геноцида	37
4.2. Процессы внутренней либерализации и европеизации Турции, роль международного сообщества.	40
4.3. Экономические и коммуникационные стимулы	43
4.4. Попытки Турции играть новую роль в региональной политике и асимметрия взаимного восприятия	47
4.5. Внешнеполитические стимулы для Армении: изменение фона вокруг карабахского конфликта и повышение региональной значимости страны.	51
5. Перспективы процесса	53
5.1. Перспективы ратификации	53
5.2. Будущие проблемы.	55
Об авторах.	57
Об Институте Кавказа	58

1. Введение

Армяно-турецкий процесс продолжает развиваться, но результаты его далеко не предопределены. Параллельно динамике самого процесса существует и динамика его осмысления. Однако в самих Армении и Турции это осмысление зачастую ведется акторами, имеющими политическую мотивацию или повестку, и потому взгляд тех или иных акторов на армяно-турецкий процесс нередко больше говорит об этих акторах, чем о самом процессе. В третьих же странах для осмысления процесса, как правило, недостаточно понимания глубинной подоплеки армяно-турецких отношений.

Настоящей работой авторы стремились восполнить пробел в анализе разворачивающегося армяно-турецкого процесса, фокусируясь не на фактах и хронологии последних лет, которые общеизвестны и многократно обсуждены, а на факторах, влияющих на процесс в целом, в том числе факторах политических, социальных, ментальных и исторических, и на логике их не всегда очевидной системной взаимосвязи.

Основная задача доклада – выявить ключевые параметры и тренды в рамках армяно-турецких отношений вне зависимости от того, будет ли в краткосрочной или средне-

срочной перспективе доведен до логического конца процесс нормализации и открытия границ между Арменией и Турцией. История армяно-турецких отношений исчисляется столетиями; их нынешний период воспринимается внешними наблюдателями как совершенно уникальный просто потому, что в силу текущей глобальной политической конъюнктуры армяно-турецкое сближение привлекло к себе внимание ведущих держав и попало на страницы мировой прессы. Однако в восприятии населения Армении и Турции нынешнее сближение четко укладывается в вековую парадигму взаимоотношений двух народов и даже тех ролей, которые в них играют внешние акторы, как региональные, так и мировые. В данной работе мы попытаемся показать, что хотя историческая и ментальная инерция и в самом деле весьма значительно влияет на развертывание и восприятие армяно-турецкого процесса, нынешний период в отношениях действительно является уникальным по целому ряду параметров.

2. Динамика армяно–турецких отношений (1991–2009 гг.)

2.1. Статичность: декабрь 1991 – май 2008 г.

Новейшая история взаимоотношений между Турцией и Арменией началась в 1991 г. после распада СССР и провозглашения независимости Республики Армения. 16 декабря 1991 г. Турция признала независимость Армении. В рамках первых контактов с армянскими официальными лицами посол Турции в России Волкан Вурал в апреле 1992 г. посетил Ереван, встретился с президентом Армении Левоном Тер-Петросяном и обсудил возможность заключения двустороннего договора об установлении добрососедских отношений. Президент Тер-Петросян в 1992 г. принял участие в учредительном заседании Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС). Армения стала одной из стран-учредителей этой организации. В ноябре 1992 г. через Турцию в Армению, подвергшейся блокаде со стороны Азербайджана, в разгар карабахского конфликта было поставлено 100 тыс. тонн пшеницы и начала поставляться электроэнергия. Это вызвало протесты со стороны Азербайджана, и в декабре 1992 г. поставки электроэнергии из Турции в Армению

были приостановлены. В апреле 1993 г. в связи с активизацией военных действий в Нагорном Карабахе Турция закрыла свою границу с Арменией, фактически встав в конфликте на сторону Азербайджана¹.

Между Арменией и Турцией нет полноценных дипломатических отношений, закрыты границы, экономическое и торговое сотрудничество осуществляется через третьи страны. Вплоть до начала так называемой «футбольной дипломатии» Турция выдвигала в качестве предусловий для нормализации отношений с Арменией ряд требований, связанных с карабахским конфликтом, признанием существующих границ между двумя странами, а также процессом международного признания Геноцида армян по инициативе акторов армянской диаспоры.

Однако за исключением проблемы Геноцида - самой острой и чувствительной для Анкары проблемы в общем блоке армяно-турецких отношений – выдвигаемые Турцией предусловия нормализации отношения не были по-настоящему приоритетными для Турции или же турецкого общества. Можно даже утверждать, что закрытыми границами и продолжающимся отсутствием полноценных отношений со своим восточным соседом Турция поставила свою региональную политику в отношении Армении (да и всего Южного Кавказа) в зависимость от позиций третьей страны – Азербайджана.

Тем самым, на протяжении почти 15 лет (1993 – 2008 гг.) армяно-турецкие отношения оставались статичными: Турция держала закрытой армяно-турецкую границу и фактиче-

¹ Айбарс Горгулу. «Армяно-турецкие отношения: вечный тупик?» *Кавказское соседство: Турция и Южный Кавказ*. Ереван: Институт Кавказа, 2008, с.143-145.

ски осуществляла коммуникационную «полублокаду» Армении (стараясь путем экономического прессинга принудить Ереван к уступкам в вопросе Геноцида и карабахского конфликта), а Армения пыталась использовать возможность косвенного влияния на Анкару со стороны Брюсселя и Вашингтона для принуждения Турции к изменению ее позиции и открытию границ. Единственным важным исключением в этом ряду, видимо, следует считать период работы Турецко-армянской комиссии по примирению (TARC) в 2001 – 2004 гг., в ходе которого (во всяком случае, на экспертном уровне) в Турции начали раздаваться голоса о желательности скорого открытия границ и нормализации отношений с Арменией. Надо также отметить, что в той или иной степени на отношения влияли и итоги общих региональных процессов: вторжение США в Ирак в 2003 г. и вызванное нежеланием Турции пропустить американские войска через свою территорию в Северный Ирак резкое ухудшение отношений Анкары и Вашингтона, динамика переговоров Анкары и Брюсселя о членстве Турции в ЕС, российско-турецкое сближение и т.д.

Таким был общий политический фон в армяно-турецких отношениях к началу 2008 г., когда наметился поворот, вызванный как внутренними причинами, так и изменившимся геополитическим контекстом на Южном Кавказе и в более широком региональном измерении.

2.2. Ускорение: май 2008 – апрель 2009 гг.

В феврале 2008 г. в Армении состоялись президентские выборы, сменилось высшее политическое руководство. Новоизбранный президент Серж Саргсян одно из первых поздравлений получил именно от своего турецкого колле-

ги Абдуллы Гюля и премьер-министра Турции Реджепа Тайипа Эрдогана. Смена руководства в Армении и одновременно все чаще звучащее в экспертных кругах Турции мнение о политической бесперспективности блокады Армении со стороны Турции создавали предпосылки для начала нового этапа усилий по нормализации двусторонних отношений. Хотя, конечно же, начать с чистого листа у Еревана и Анкары не получилось – сказывался исторический груз и сложность проблемы для обеих сторон, инерция односторонних действий и глубокое взаимное недоверие.

Инициатором налаживания отношений выступила Армения. В мае 2008 г. в Москве, на встрече с представителями армянской диаспоры России президент Саргсян публично объявил о своем приглашении президенту Гюлю посетить Ереван для совместного просмотра 6 сентября футбольного матча между сборными Армении и Турции. Приглашение турецкому президенту посетить Ереван не случайно было озвучено именно в Москве: этот факт символизировал собой изменение или хотя бы корректировку политики России в вопросе армяно-турецких отношений. Армянскому руководству удалось убедить Кремль в том, что перспективы налаживания отношений Еревана с Анкарой не будут происходить за счет армяно-российских военно-политических отношений. Фактически Россия не только не стала чинить препятствия армяно-турецкому диалогу, но и попыталась содействовать ему. Как свидетельствует пресса, уже в ходе визита главы российского МИД Сергея Лаврова в Турцию в июне 2008 г. (вскоре после московского приглашения Саргсяна) российский министр обсуждал с турецким руководством в том числе и вопросы налаживания армяно-турецких отношений.

Однако реальное ускорение инициированный официальным Ереваном процесс армяно-турецкого сближения (впоследствии известный как «футбольная дипломатия») получил в результате августовского кризиса 2008 г. на Кавказе. Начавшаяся в ночь на 8 августа 2008 г. Пятидневная война между Россией и Грузией поменяла весь региональный контекст и создала новую политическую реальность, новый статус-кво на Южном Кавказе². Турция попыталась также сыграть свою игру в ходе кризиса, утвердив свое новое место в кавказской региональной политике. Это проявилось, в частности, в виде первоначального запрета Анкары на проход американских кораблей через черноморские проливы к берегам Грузии. Изменившиеся политические приоритеты Турции проявились и в виде выдвинутой ею ситуативной политической инициативы по региону – т.н. «Кавказской платформы», впервые озвученной с согласия России премьером Эрдоганом в ходе его блиц-визита в Москву 12 августа 2008 г.

В целом Пятидневная война в Южной Осетии значительно активизировала, а вернее – реанимировала кавказскую политику Турции. Во многом именно под ее влиянием в Анкаре и было принято окончательное политическое решение о беспрецедентном визите президента Турции Гюля в Ереван 6 сентября 2008 г. В ходе событий августа-сентября 2008 г. вновь подтвердилось, что в общем формате армяно-турецких отношений карабахская проблематика имеет лишь инструментальное значение и в политических приоритетах Анкары значительно уступает по актуальности вопросу признания Геноцида или же налаживания отношений с Арменией в контексте амбиций Турции на членство в Европейском Союзе.

² См. подробнее: Сергей Минасян, «Военно-политические итоги «Пятидневной войны»», *21-й Век*, №1 (9), 2009.

2.3. «Дорожная карта» и подписание протоколов (апрель – октябрь 2009 г.)

После Пятидневной войны, визита Гюля в Ереван и избрания в ноябре 2008 г. президентом США Барака Обамы (который, будучи еще сенатором, публично признал факт Геноцида армян 1915 г. в Османской Турции), в регионе сложилась новая ситуация. На фоне стремления Турции играть более активную роль в регионе создалось благоприятное поле для прорыва в армяно-турецких переговорах. Хотя секретные переговоры между Арменией и Турцией велись уже несколько лет при посредничестве Швейцарии, тем не менее, успех они принесли только в начале 2009 г.

22 апреля 2009 г. главами МИД Армении, Турции и Швейцарии было обнародовано совместное заявление о согласовании «дорожной карты» конкретных мероприятий по нормализации армяно-турецких отношений. В совместном заявлении говорилось о готовности сторон к нормализации отношений и открытию границ между двумя странами без каких-либо предусловий. Заявление получило активное одобрение официальных лиц в Вашингтоне, Брюсселе и даже в Москве. Это привело, в свою очередь, к самому глубокому кризису в отношениях между Баку и Анкарой со времен обретения Азербайджаном независимости. Резкая нервная реакция Баку, по всей видимости, была неожиданной для Анкары, которой пришлось оправдываться, в том числе в виде речей премьер-министра Эрдогана в парламенте Азербайджана в начале мая 2009 г. об увязке процесса нормализации отношений между Арменией и Турцией с карабахским урегулированием.

Заявление о дорожной карте вызвало неоднозначную оценку и в самих Турции и Армении, а также в армянских общинах диаспоры. В частности, в знак протеста против

этого документа в конце апреля 2009 г. партия «Дашнакцутюн» вышла из правящей коалиции Армении.

Летом 2009 г., в ответ на многочисленные заявления турецких официальных лиц об увязке армяно-турецкого процесса с карабахским урегулированием, армянская сторона также стала делать более жесткие заявления. Президент Саргсян выдвинул условие своего приезда в Турцию на ответный матч отборочного этапа чемпионата мира по футболу в октябре 2009 г.: граница должна быть уже открыта или же находиться в процессе открытия. 31 августа 2009 г. главами внешнеполитических ведомств Армении, Турции и Швейцарии были опубликованы парафированные тексты двух протоколов – об установлении дипломатических отношений и о развитии двусторонних отношений. Примечательно, что на этот раз, видимо, исходя из опыта апреля 2009 г., Турция заранее, в конце августа, отправила в Азербайджан группу своих высокопоставленных дипломатов, которые проинформировали Ильхама Алиева о скорой публикации парафированных армяно-турецких протоколов.

Публикация протоколов 31 августа 2009 г., их общественное обсуждение в Армении и Турции, а также в армянских общинах диаспоры, которые президент Армении посетил в начале октября, продемонстрировали наличие серьезной оппозиции протоколам. Тот факт, что парафированные протоколы явились результатом тяжелых компромиссных переговоров двух сторон и следовательно, не могут полностью удовлетворять ни одну из них, не учитывался в общественных дискуссиях ни в Армении, ни в Турции, ни тем более – в общинах армянской диаспоры, разбросанных по всему миру. Несмотря на это, стороны, продемонстрировав политическую волю, 10 октября 2009 г. в Цюрихе в здании Цюрихского университета подписали текст обоих протоко-

лов. Свою подпись под документом поставили главы МИД Армении, Турции и Швейцарии. В церемонии приняли участие также госсекретарь США Хилари Клинтон, главы МИД России и ряда стран ЕС, а также представители международных и европейских структур. Однако вплоть до самого последнего момента церемония подписания находилась под угрозой, т.к. турецкая сторона собиралась в ходе своего выступления после подписания документов выступить с неприемлемыми для армянской стороны заявлениями. В ответ на это армянская сторона также пригрозила выступить с ответными заявлениями по вопросу Геноцида и т.д. Церемония подписания задержалась на несколько часов, и лишь при посредничестве госсекретаря США стороны приняли решение подписать протоколы без произнесения дальнейших речей.

После подписания протоколов, согласно имеющимся в них положениям, они должны быть ратифицированы парламентами двух стран. Как и на всех предыдущих этапах, и здесь процесс армяно-турецкого примирения столкнулся с хоть и ожидаемыми, но очень сложными препятствиями. Турецкая сторона, пусть и только в публичной риторике, но на самом высоком уровне вновь попыталась увязать армяно-турецкий процесс с карабахским урегулированием, хотя в самом документе такого положения не существовало. Турецкие официальные лица стали заявлять, что без подвижек в карабахском урегулировании парламент Турции не ратифицирует протоколы.

Это вызвало, в очередной раз, реакцию армянской стороны: в декабре 2009 г. в одном из своих выступлений президент Армении намекнул, что если «в разумные сроки» Турция не ратифицирует протоколы и будет затягивать процесс, то армянская сторона отзовет свою подпись под про-

токолами. При этом Армения продолжала реализовывать процедуру подготовки протоколов к ратификации и представила их в Конституционный суд, который рассмотрел их 12 января 2010 г. и счел соответствующими Конституции Армении.

3. Ограничения процесса

3.1. Армения: внутренние стереотипы и «историофобия»

Вряд ли какой либо вопрос внешней политики независимой Армении (кроме разве что карабахского конфликта) получал такой широкий резонанс в Армении и в армянской диаспоре, как процесс армяно-турецкого сближения и подписание 10 октября 2009 г. армяно-турецких протоколов. Оценки варьировали от резко отрицательных до чрезвычайно оптимистических. В публичном дискурсе превалировали негативные настроения: значительная часть армянского общества (а диаспоры – тем более) и некоторые сегменты политической элиты посчитали принятие протоколов «предательством национальных интересов». Самые умеренные из обвинений заключались в том, что армянское руководство пошло на неоправданно большие уступки туркам, не получив взамен ничего существенного. Причиной этого были глубинные внутренние стереотипы и традиционное недоверие к Турции.

Надо учесть, что вплоть до 2008 г., два основных фактора влияли на отношение армянского общества к Турции. Во-первых – историческая память о Геноциде 1915 г., еще более усиливающаяся отрицанием факта Геноцида самими

турками. Вторым фактором была неприкрытая поддержка Турцией Азербайджана в его войне против Карабаха и закрытие ввиду этого Анкарой границ Армении. Соответственно, в Армении Турцию воспринимали исключительно как союзника Азербайджана. Естественно, все это лишь усиливало недоверие армян к Турции и к туркам. В условиях закрытых границ и отсутствия коммуникаций (как транспортных, так и социально-ментальных), это приводило к тому, что за все годы после независимости обыкновенным гражданином Армении Турция воспринималась как вражеская страна из учебников истории, как кровавый образ Османской империи вековой давности, а не как непосредственный сосед. Но внезапно оказалось, что отношения Армении с Турцией могут иметь будущее, и трехмиллионная Армения может неожиданно обнаружить себя рядом с 70-миллионной страной с развивающейся экономикой и населением, которое многие армяне воспринимают как враждебное.

Переговоры между Арменией и Турцией, проходившие при посредничестве Швейцарии, держались в секрете. Начавшееся в апреле 2009 г. обнародование результатов переговоров всколыхнуло и шокировало армянское общество. Одна из правящих партий – Дашнакцутюн, покинула правящую коалицию после опубликования совместного заявления о «дорожной карте» в апреле 2009 г. исключительно из-за активизации армяно-турецкого процесса. Публикация текста двух армяно-турецких протоколов 31 августа и их подписание 10 октября 2009 г. вызвали еще большую волну критики и недовольства как в прессе, так и среди широких кругов армянской общественности.

Однако при всем том основные мотивы, вызвавшие столь сильную реакцию армянского общества, не были не-

посредственно связаны с конкретным содержанием армяно-турецких договоренностей.

Первым и наиболее сильным мотивом был консерватизм: боязнь любых изменений и особенно изменения регионального политического ландшафта, к которому население Армении привыкло в течение последних полутора с лишним десятилетий.

Вторым являлось устойчивое недоверие армян к Турции и уверенность в том, что Турция не сможет разделить свои собственные интересы и интересы Азербайджана. Именно опасение многих в Армении, что Турция является неискренней в своих переговорах с Арменией (подкрепляемое многочисленными противоречивыми высказываниями турецких лидеров) и приводило к появлению у многих впечатления, что проблема Нагорного Карабаха каким-то тайным образом включена в текст армяно-турецких договоренностей. Парадоксальным образом эти подозрения внутри армянского общества были окончательно опровергнуты лишь самой турецкой стороной, когда в декабре 2009 г. во время своего визита в Вашингтон премьер-министр Турции Эрдоган публично признал, что в самом тексте протоколов нет никакой увязки с карабахской проблематикой. Турецкий премьер заявил, что турецкий парламент не ратифицирует протоколы без подвижек в карабахском вопросе, одновременно признав, что в самих протоколах этого условия не зафиксировано.

Наконец, третий мотив — отсутствие в армянском обществе осознания того факта, что Турция (пусть и достаточно неохотно и под постоянным внешним давлением) идет на процесс налаживания отношений с Арменией и открытие армяно-турецкой границы в том числе и с целью приобрести политический капитал в своих взаимоотношениях со

странами ЕС и США. Ту политическую цену, которую Анкара должна будет заплатить за уступки во взаимоотношениях с Арменией, она рассчитывает возместить благодаря не столько развитию отношений с Арменией, сколько улучшению своего политического имиджа и веса в двусторонних отношениях с Брюсселем и Вашингтоном. Армянскому обществу не вполне очевидна та идея, что идя на уступки в своей политике на Востоке (т.е. в так называемом «Армянском вопросе»), Турция надеется получить политические дивиденды в первую очередь на Западе и от Запада.

Аналогичным примером наличия внутренних стереотипов и фобий внутри армянского общества, влияющих на отношение к армяно-турецкому процессу, является восприятие российско-турецких отношений в региональном контексте. Например, совпадение процесса армяно-турецкого сближения с активизацией отношений между Москвой и Анкарой вызвало достаточно настороженную реакцию у части армянской общественности и политической элиты. Стали выражаться смутные опасения, что Россия и Турция смогут за спиной Еревана договориться о неких региональных проектах, в результате которых могут быть поставлены под угрозу интересы Армении. По умолчанию приводились прямые исторические аналогии с русско-турецкими договоренностями 1920-х гг. против Армении и Московским договором от 16 марта 1921 г. между большевистской Россией и кемалистской Турцией.

Те, кто высказывал подобные опасения, не учитывали сложившийся после Пятидневной войны 2008 г. политический контекст в регионе. Турция и Россия, тактически поддерживая совместные политические инициативы на Южном Кавказе, в том числе направленные против Вашингтона и частично против Брюсселя, тем не менее, остаются

«конкурирующими союзниками». И Россия, и Турция продолжают взаимно опасаться чрезмерного усиления позиций друг друга, «имея пересекающиеся и конфликтующие интересы в соседних регионах»³. Вместе с тем, нормализация отношений между Арменией и Турцией – уникальный пример совпадения интересов США, России и ЕС на постсоветском пространстве. Россия постоянно призывает рассматривать армяно-турецкий процесс в отрыве от карабахской тематики, как это продемонстрировал премьер-министр России Владимир Путин во время встречи со своим турецким коллегой Эрдоганом в Москве 13 января 2010 г.

И наконец, выявилось другое, весьма специфическое измерение восприятия армяно-турецкого процесса армянским обществом: своего рода политический инфантилизм, проявляющийся в виде неверия в силы своей страны или даже боязни играть в большие игры по-взрослому в региональной политике. В самом крайнем виде этот подход проявляется в виде представлений некоторого сегмента армянской элиты и общественности о существовании всемирного заговора против Армении, одним из элементов которого является нынешний этап армяно-турецких переговоров. Диалог с представителями данной тенденции с использованием законов формальной логики затруднителен. Тезисы сторонников сближения (например, такие: «раз армяно-турецкого сближения так боятся и не хотят в Азербайджане – в стране, находящейся в состоянии фактической войны с Арменией, - значит, это для Армении выгодно»), не воспринимаются ими как релевантные. Возможно, тут играет свою роль и тот факт, что дискурс о Турции традиционно

³ Bulent Aras, “Turkey and the Russian Federation: An Emerging Multidimensional Partnership”, *SETA Policy Brief*, N.35, August 2009, p.11.

воспринимается в армянском обществе в первую очередь на эмоциональном уровне, а не на уровне реалистичного или же критичного осмысления в терминах политической целесообразности.

Хотя многие такого рода опасения выглядят иррациональными, однако следует признать, что груз исторических аналогий продолжает оказывать свое влияние на политическое мышление внутри Армении и на восприятие армяно-турецких отношений. Такого рода дискурс, конечно же, вполне естественен для общества страны, не имевшей столетиями государственности и перенесшей тяжелую психологическую травму в результате Геноцида 1915 г. и потерь первой трети XX в.

При всем том также ясно, что несмотря на противодействие внутри армянского общества и публичную критику со стороны СМИ, правительство и значительная часть политических элит прагматично высказывают свою готовность к выполнению достигнутых с Турцией договоренностей и нормализации отношений и открытию границ без всяких предусловий. Хотя на этот счет и нет серьезных социологических данных, складывается впечатление, что против процесса нормализации отношений и открытия границ с Турцией выступают в основном интеллектуалы, журналисты, молодежные активисты, а также, естественно, оппозиция и националистические круги. Очень возможно, что противники процесса примирения с Турцией не составляют большинства населения Армении. Акции протеста против армяно-турецкого процесса в 2009 г. собирали всего по несколько тысяч человек, что немного для Армении с ее крепкой традицией уличных демонстраций и митингов. Все это значительно отличает ситуацию в Армении от Турции, где антагонизм армяно-турецкому процессу в основном со-

средоточен на уровне политических элит, правящей партии, государственного и военного аппарата, а также оппозиционных политических сил.

3.2. Фактор армянской диаспоры

Армянская диаспора играет уникальную роль в историческом развитии современной Армении, серьезно влияя на ее политическую действительность⁴. В силу ее специфических особенностей и структуры функционирования, каналы влияния диаспоры на общественно-политическую и социально-экономическую жизнь Армении весьма разнообразны: от политического лоббинга в странах, где есть значительные (и даже не очень) армянские общины, до составляющих ощутимую долю ВВП Армении и Нагорного Карабаха миллиардных трансфертов и пожертвований как от рядовых армян диаспоры, так и от крупных армянских меценатов. В Армении с начала 1990-х гг. действуют так называемые «традиционные партии», вернувшиеся из диаспоры, в первую очередь партия Дашнакцутюн. Эти партии сохраняют свои связи с диаспорой и возможности получения финансового, политического и кадрового ресурса из армянских общин, разбросанных по всему миру.

В большинстве своем у диаспоры достаточно негативное отношение к Турции и к возможности налаживания контактов с турками. Это связано с тем, что традиционная армянская диаспора⁵, в первую очередь в странах Запада, а также в Ливане и Сирии, является прямым результатом Ге-

⁴ См. подробнее: Виктор Дятлов, Эдуард Мелконян, *Армянская диаспора: очерки социокультурной типологии*. Ереван: Институт Кавказа, 2009.

⁵ Под традиционной армянской диаспорой здесь понимаются армянские общины за пределами бывшего СССР.

ноцида и депортаций армян в Османской Турции в первой трети XX в. В основном армянская диаспора состоит из потомков людей, выживших при Геноциде 1915 г. и последующих событиях. Поэтому память о Геноциде является стержневой для самоидентификации армян диаспоры. Значимость памяти о Геноциде в качестве основного элемента самоидентификации армян диаспоры особенно возрастает в условиях глобализации и нарастающей тенденции к ассимиляции диаспоральных общин. Естественно поэтому, что у потомков спасшихся от Геноцида армян даже в третьем или уже в четвертом поколении существует глубокое недоверие и подозрение к туркам и Турции.

Кроме этого, как показывает мировой опыт политического вовлечения крупных традиционных диаспоральных общин в общественно-политическую жизнь исторической родины (евреи, ирландцы, поляки, сикхская и тамильская диаспоры и т.д.), представители диаспоры всегда намного более радикальны в своих внешнеполитических взглядах и подходах к этнополитическим конфликты, чем живущие на их исторической родине соотечественники⁶. Армянская диаспора в своем отношении к армяно-турецкому процессу (равно как, например, и к карабахскому конфликту) не является исключением и намного более решительна, мотивирована и мобилизована в своей позиции, чем многие жители Республики Армения.

Фактор влияния армянской диаспоры важен не только потому, что структуры и традиционные партии диаспоры через механизмы лоббинга имеют возможность коррек-

⁶ См. подробнее: С. Christine Fair, "Diaspora Involvement in Insurgencies: Insights from Khalistan and Tamil Eelam Movement", *Nationalism and Ethnic Politics*, N.11, 2005.

тировать политические позиции стран своего проживания относительно динамики армяно-турецкого процесса. Речь идет не просто о техническом механизме лоббирования: политическое влияние армянской диаспоры весьма значимо, особенно в таких странах, как США, Канада, Франция, Ливан и некоторые страны Латинской Америки, т.к. армяне в этих странах представляют собой важный общественный и электоральный сегмент. Особенно четко это проявляется в тех странах, в которых в силу внутривнутриполитического устройства общественность и группы интересов имеют немалое влияние на процессы принятия решений и реализации внешней политики своих государств (в первую очередь в США и Франции). Не секрет, что именно французская и американская общины достигли наибольших успехов в процессе международного признания Геноцида армян 1915 г., в политической и финансовом содействии Нагорному Карабаху, и т.д. Такая позиция диаспоры и имеющиеся у нее политические и экономические рычаги влияния самым непосредственным образом сказывается на позициях армянских общин в армяно-турецком процессе.

Публикация протоколов 31 августа 2009 г. всколыхнула армянскую диаспору. Для разъяснения позиций Армении в армяно-турецком процессе президент Саргсян совершил турне по основным армянским общинам мира, побывав в Бейруте, Париже, Нью-Йорке, Лос-Анджелес и Ростове-на-Дону. Во многих из общин президента встретили в штыки именно из-за армяно-турецкого сближения. В Париже визит Саргсяна сопровождался митингами и беспорядками, настолько массовыми, что 3 октября 2009 г. французская полиция была даже вынуждена использовать силу для разгона демонстрации представителей армянской общины Франции, протестующих против процесса сближения Армении и Турции.

Вполне понятно, что позиция армянской диаспоры всегда будет отличаться от позиции властей Армении касательно политики, осуществляемой в отношении Турции. Это и естественно и неизбежно, свое влияние на армяно-турецкий процесс армянская диаспора оказывала и будет оказывать, причем влияние весьма серьезное.

3.3. Турция: «севрский синдром» и феномен «глубинного государства»

Турецкая политическая система обладает весьма специфическими особенностями и структурой, серьезно влияющими на проводимую страной внешнюю политику. Принято считать, что эта специфика выражается в гипертрофированном влиянии военных на политику, в том числе в форме перманентных военных переворотов или угроз их осуществления; кроме того, в Турции присутствует фактор так называемого «глубинного государства». Под «глубинным государством» принято понимать наличие некой неформальной группы социальных связей (или же социальной страты или кастовой организации) внутри военной, экономической, политической и религиозной элиты страны, готовой взять на себя ответственность за судьбы государства и воспринимающей себя как ее основного хранителя. В принципе, феномен «глубинного государства» в той или иной мере присущ многим странам, в Турции же «глубинное государство» (*derin devlet*) имеет богатую традицию.

Дело в том, что Турция является классической страной догоняющей модернизации, и соответственно «глубинное государство» увязывается с динамикой вестернизации и модернизации Турции как минимум за полтора предыдущих столетия (с конца XIX в. или даже периода Танзимата), вы-

развившейся в виде идеологии младотурецкого (иттихадистского) движения (активистов «Комитета союза и прогресса» - *Ittihad ve Terakki Cemiyeti*), а затем прошедшей трансформацию и акклиматизацию в условиях кемалистского режима. Как отмечают эксперты, вплоть до настоящего времени идеология иттихадистов существует в политической культуре Турции в виде ультранационализма, вовлечения и включения военных в политическую жизнь страны, а также оправдания использования внесудебного насилия (в том числе со стороны государственных структур и спецслужб) в отношении политических оппонентов и этнических и религиозных меньшинств во имя защиты родины⁷.

В силу того, что именно современные последователи идей иттихадистов являются основной социальной базой для рекрутирования членов «глубинного государства», это сказывается на процессе принятия внешнеполитических решений в Турции. Основная идея-фикс сторонников «глубинного государства», которые входят как в правящую партию, так и в оппозиционные группы, а также в военный и бюрократический аппарат, является сохранение нынешнего статус-кво внутри Турции и по периметру ее границ. В современной Турецкой Республике феномен «глубинного государства» усиливается также пронизанностью страны спецслужбами и их особой ролью в ее политической системе и идеологии.

В идеологическом плане подходы членов и сторонников «глубинного государства» органически соприкасаются с так называемым «севрским синдромом» - глубоко укоренившейся в политическом сознании турок постоянной фо-

⁷ Serdar Kaya, "The Rise and Decline of the Turkish "Deep State": The Ergenekon Case", *Insight Turkey*, vol.11, N.4, 2009, p.102.

бии расчленения и раздела Турции соседними государствами и мировыми державами. Внешняя угроза и боязнь территориальных потерь во внутритурецком политическом дискурсе вплоть до настоящего времени символизируется Севрским договором 1920 г., навязанном потерпевшей поражение Турции державами Антанты и предусматривающем фактический раздел Османской империи между соседними странами и державами-победительницами. Хотя подписанный османским правительством и непризнанный кемалистами Севрский договор так и не был претворен в жизнь, он стал символом угрозы потери страной своих территорий и суверенитета, сохранившим актуальность в политическом мышлении элиты и в общественном восприятии даже в нынешней 70-миллионной Турции.

Очевидно, что нормализация отношений с Арменией, открытие границ, исчезновение (или уменьшение) ментального и физического водораздела между турками и армянами, появление значительного количества армян на территории Турции, кроме всего прочего, просто приведут к большей информированности турок о событиях 1915 г. А это, как опасаются многие кемалисты и сторонники «глубинного государства», лишь приведет к разрушению еще одного кирпичика под и без того пошатнувшейся идеологической базой кемализма.

3.4. Азербайджан и инструментализация «карабахского фактора» Турцией

Со времен завершения военной фазы карабахского конфликта в 1994 г. в Азербайджане надеялись, что сверхдоходы от продажи энергоресурсов позволят Баку с течением времени выиграть гонку вооружений и вернуть себе Кара-

бах военной силой. Кроме того, ожидалось, что продолжающаяся экономическая блокада Армении заставит Ереван и Степанакерт пойти на односторонние уступки. Идея экономического и коммуникационного «удушения» Армении путем ее блокады как со стороны Азербайджана, так и со стороны Турции являлась фактически краеугольным камнем карабахской стратегии Азербайджана, притом, что за все это время эта концепция так и не доказала свою эффективность. Армения успешно развивалась экономически, несмотря на блокаду со стороны Турции и Азербайджана. На протяжении нескольких лет, вплоть до начала мирового финансового кризиса в 2008 г., темпы экономического роста Армении достигали двузначных цифр⁸. Тем не менее, в Баку вплоть до последнего времени продолжали полагаться на действенность и перспективность блокады как средства урегулирования карабахского конфликта.

Ситуация оставалась статичной вплоть до Пятидневной войны 2008 г., изменившей политический расклад на Южном Кавказе и создавшей новый статус-кво не только в общерегиональном формате, но и конкретно вокруг карабахского конфликта. Прорыв в армяно-турецких отношениях, начавшийся почти одновременно с августовским кризисом 2008 г. и во многом по его результатам, стал важнейшим определяющим фактором нового статус-кво вокруг Карабаха. В случае открытия армяно-турецкой границы Армения получит новые коммуникационные пути, и рассчитанная на блокаду стратегия Баку потеряет всякий смысл.

⁸ См. подробнее: Сергей Минасян, «Особенности «карабахской стратегии» Азербайджана: политика «периферийных» действий, нефтяные ресурсы и гонка вооружений», *21-й Век (русскаяязычное издание)*, №2, 2008.

Именно поэтому реакция Азербайджана на армяно-турецкий процесс, начиная с апреля 2009 г., выглядела как паническая и непропорциональная. В результате в двусторонних отношениях между Баку и Анкарой началась сильнейшая за всю постсоветскую историю череда кризисов. Действительно, если мыслить в рамках логики «игры с нулевой суммой» и концепции *realpolitik*, любое усиление Армении означает соответствующее ослабление Азербайджана. А от открытия границ и нормализации отношений с Турцией Армения, конечно же, выигрывает. В Азербайджане же мыслят именно такими категориями, что довольно естественно для страны, проигравшей войну и испытывающей глубокую фрустрацию.

Первоначально, с конца апреля 2009 г. Азербайджан не только подверг резкой критике проводимую Турцией политику в отношении Армении, но даже предпринял несколько демонстративных шагов, от запрета на трансляцию в Азербайджане телефильмов на турецком языке до угроз прекратить поставки азербайджанского газа в Турцию и готовности рассмотреть возможность продажи всего добываемого этой страной газа России. Визит азербайджанского президента Ильхама Алиева в Москву в середине апреля 2009 г. и его встреча с российским президентом Медведевым явились самой наглядной иллюстрацией этих шагов Баку. Тем не менее, политика шантажа Турции «российским фактором» так и не привела к пересмотру официальной турецкой политики по нормализации отношений с Арменией, а Москва не согласилась обменять азербайджанский газ на смену своего подхода в карабахском конфликте.

Исходя из этого, Баку к началу мая 2009 г. несколько смягчил свою позицию, а в азербайджанской прессе и в высказываниях официальных лиц стали проявляться более

сдержанные оценки происходящего. Видимо, в Баку осознали, что возможное дальнейшее ухудшение отношений Азербайджана с Турцией и тем самым ослабление поддержки со стороны Анкары лишь ослабят позиции Баку в глазах международного сообщества, а также в переговорном процессе по карабахской проблеме. Однако даже последующие взаимные реверансы Баку и Анкары не смогли снять негативного осадка в двусторонних отношениях и в общественном сознании двух стран. Причем кризис в отношениях между Анкарой и Баку случился не только на уровне политических элит или властных структур: намного острее «предательство» турецких властей восприняло азербайджанское общество. А в Турции как минимум на экспертном уровне актуализировался дискурс о совпадении/несовпадении политических интересов Баку и Анкары⁹.

При всем том, хотя проблематика карабахского конфликта и вытеснялась из общего формата армяно-турецкого сближения, все же позиция Анкары в этом конфликте вряд ли в обозримом будущем резко изменится, а карабахский конфликт вряд ли может быть полностью исключенным из внешнеполитической повестки и внутривнутриполитического дискурса в самой Турции. Индикатором этого явилась даже не столько критика подписанного 22 апреля 2009 г. в Швейцарии документа со стороны турецких оппозиционных сил, сколько и публично подтверждаемые политическим руководством Турции заверения о якобы совмещенном процессе в армяно-турецких отношениях и карабахском урегулировании. Ни в заявлении о «дорожной карте», ни в

⁹ Nigar Goksel, "Turkey and Azerbaijan: Passion, Principle, or Pragmatism?", *On Turkey, GMF Analysis*, June 4, 2009 (available at <http://www.gmfus.org/onturkey/index.cfm>).

протоколах не было никаких упоминаний о Нагорном Карабахе, однако турецкое руководство вынуждено постоянно увязывать эти две темы, исходя из внутривосточной необходимости. Как отмечал турецкий эксперт Бюлент Арас, ограничения в возможностях турецкого правительства работать с общественностью своей страны и необходимость более активного освещения внешнеполитических целей являются одними из серьезнейших вызовов для внешнеполитического руководства Турции: «попытки нормализации отношений с Арменией вызвали националистическую реакцию азербайджанцев, и эта реакция нашла поддержку в Турции в виде утверждений, что турецкое правительство предало Азербайджан. Предотвращение такого рода негативного влияния должно быть включено в повестку дня активизирующейся региональной политики Турции»¹⁰.

Однако не только внутривосточные факторы сказываются на проазербайджанских подходах Анкары в карабахском конфликте. Можно также говорить о некоей инструментализации азербайджанского фактора в турецкой политике по отношению к Армении. Анкара пытается использовать карабахский фактор как инструмент давления на Армению (или же — политического торга) для отвлечения внимания и ресурсов от намного более важной для турецкого общества и государства проблемы международного признания Геноцида армян 1915 г. Но в условиях закрытых границ и отсутствия дипломатических отношений с Ереваном увязка Анкарой дальнейших шагов по нормализации двусторонних отношений с карабахским фактором значительно ограничивает возможности турецкой дипломатии в

¹⁰ Bulent Aras, “Davutoglu Era in Turkish Foreign Policy”, *SETA Policy Brief*, No32, May, 2009, p.15.

реализации ее политики на Южном Кавказе и мало эффективна. Как пишет турецкий эксперт Айбарс Горгулу, «отсутствие дипломатических отношений между Турцией и Арменией мешает Турции стать региональным лидером и выступать в качестве посредника в затяжных региональных конфликтах. Нагорно-карабахский конфликт в данном случае является хорошим примером. Вовлечение Турции в этот конфликт скорее как стороны, а не как посредника, и ее безусловная поддержка Азербайджана обусловлены как стратегическими, так и внутривосточными факторами – важностью богатого нефтью Азербайджана для Турции и статусом Азербайджана как родственного Турции государства. Это ограничивает потенциал Турции в качестве посредника»¹¹.

Естественно, в Турции пытаются выйти из сложившегося положения, постоянно подавая Азербайджану сигналы о том, что улучшение отношений с Арменией будет в той или иной степени обуславливаться урегулированием карабахской проблемы в выгодной для Азербайджана комбинации. Но именно эта конструкция и заводит ситуацию в тупик, т.к. лучший способ остановить процесс армяно-турецкого примирения - это увязать его с Карабахом. Карабахская проблема - это проблема совершенно другого формата и сложности. Аналогичной ситуация была бы, если бы Армения соглашалась на нормализацию только при условии урегулирования кипрской проблемы. И дело тут не только в формально-юридических соображениях (в двустороннем армяно-турецком формате Азербайджан – это третья сторона). Дело еще и в том, что таким образом просто

¹¹ Aybars Gorgulu, “Towards a Turkish-Armenian Rapprochement?”, *Insight Turkey*, vol. 11, No 2, 2009, p.24.

не удастся решить проблему. Если бы Армения была готова решать проблему границ с Турцией за счет Карабаха, то это было бы сделано давным-давно. Прогресс в карабахском урегулировании, конечно, необходим, но формат у этого урегулирования совершенно иной, чем у армяно-турецкого процесса, и обуславливать одно другим означает губить реалистичное ради эфемерного¹².

Таким образом, ситуация даже после подписания двусторонних протоколов для Анкары достаточно сложная. Удовлетворить обе стороны (Армению и Азербайджан) невозможно, есть четкое несовпадение рамок готовности к компромиссам: то, что устраивает одних, не устраивает других. Это возвращает Турцию на позиции заложницы Азербайджана в регионе и лишает ее возможности играть сколь-нибудь самостоятельную роль на армянском направлении, при этом каждый раз приводя к новому обострению в азербайджано-турецких взаимоотношениях после очередного шага Анкары по пути нормализации отношений с Ереваном. В частности, именно так и случилось после подписания в Цюрихе 10 октября 2009 г. армяно-турецких протоколов и ответного визита президента Саргсяна в Турцию на футбольный матч 14 октября. После этого футбольного матча в Баку были сняты турецкие флаги перед представителями турецких компаний и перед памятником солдатам Османской империи, погибшим при взятии города турецкими войсками в 1918 г.

И хотя в течение всего 2009 г. Азербайджан и Турция выступали с примиренческими заявлениями после каждого обострения отношений между ними в связи с армяно-ту-

¹² См. подробнее: Alexander Iskandaryan, "Armenian-Turkish Rapprochement: Timing Matters", *Insight Turkey*, vol.11, N.3, 2009.

реским процессом, все же концепция «один народ, два государства», под девизом которой с начала 1990-х гг. развивались взаимоотношения между Турцией и Азербайджаном, в 2009 г. явно терпела крах.

Между тем игра с нулевой суммой – далеко не единственная модель взаимоотношений в политическом треугольнике Армения-Азербайджан-Турция. Азербайджан не может всерьез испортить отношения с Турцией, это резко уменьшит возможность маневра в отношениях с Россией, что для Азербайджана нежелательно, даже и по отношению к проблеме Карабаха. Так долго создаваемые коммуникационные и энергетические проекты, как Баку-Тбилиси-Джейхан и Баку-Эрзерум, не могут сразу же остановиться, тут Азербайджан зависит от Турции не меньше, чем она от него. Да и в целом, общее смягчение региональной ситуации после открытия армяно-турецкой границы, вхождение Турции в регион может сыграть свою роль и в смягчении региональной системы безопасности Южного Кавказа, что в конечном счете может оказаться выгодно всем, уже не в духе 19-го века, но в духе 21-го. В конце концов, Азербайджан ведь поддерживает вполне добрососедские отношения с Россией, которая имеет на территории Армении военную базу, состоит с ней в одной военно-политической организации ОДКБ и оказывает Еревану военно-техническую помощь.

Естественно, некоторая обида Азербайджана на Турцию останется, но она сейчас уже и так существует, просто ввиду самого факта «футбольной дипломатии» и провала планов Баку по коммуникационному удушению Армении с помощью Анкары. Но на плохие отношения с Турцией Азербайджан просто не имеет роскоши.

4. Контекст процесса

4.1. Фактор Геноцида

Проблема Геноцида - очень чувствительная и для армян диаспоры, и для общественности Армении. Для тех и других обсуждение факта Геноцида является невозможным по моральным соображениям¹³. Вместе с тем, Арменией с конца 1990-х гг. была сформирована и применялась некая концепция использования фактора Геноцида в качестве «неконвенционального оружия», ресурса политического давления на Анкару¹⁴. Иными словами, реакцией на использование Турцией карабахской тематики в качестве ресурса давления на Армению стала инструментализация проблематики Геноцида со стороны Еревана. Учитывая, что Ереван располагает лишь ограниченными возможностями влиять на Анкару, Армения и армянская диаспора активно пользуются особой чувствительностью Турции к тематике Гено-

¹³ См. подробнее: Alexander Iskandarian. “Coğrafyanın Birleştirip Tarihin Ayırdığı İki Ülke: Ermenistan ve Türkiye”, in *Ermeni sorunu tartışılırken... / “Armenien und die Türkei: Geographisch verbunden – durch die Geschichte getrennt”*, in *Wenn Man Die Armenierfrage Diskutiert...* Heinrich Böll Stiftung Derneği, Istanbul, Mart 2006.

¹⁴ Рубен Сафрастян, Проблема признания Геноцида во внешней политике Армении: разноуровневый анализ, *21-й Век (русскоязычное издание)*, №1, 2005, с.3.

цида. Всякий раз, когда турецкая сторона на каком-то этапе переговорного процесса пытается выдвигать в качестве предусловия для нормализации отношений с Арменией карабахское урегулирование, армянская сторона тут же ужесточает свою позицию в вопросе международного признания Геноцида 1915 г. в Османской империи и начинает использовать ресурс давления диаспоры на правительства западных стран для принуждения Анкары к уступкам. Например, после визита Эрдогана в Вашингтон в начале декабря 2009 г., когда турецкий премьер вновь на публичном уровне попытался увязать процесс нормализации отношений с карабахским конфликтом, в турецкой прессе появились сообщения, что президент США Обама открыто заявил Эрдогану, что без ратификации Турцией протоколов и открытия границ с Арменией вероятность принятия Конгрессом резолюции по признанию Геноцида в преддверии даты 24 апреля 2010 г. будет очень высокой.

С другой стороны, для турок очевидно, что ни процесс нормализации отношений, ни подписание протоколов, ни даже их ратификация абсолютно не означают отказа Армении и тем более диаспоры от требований международного признания Геноцида. Глава турецкого МИД Давудоглу во время одной из встреч с турецкими журналистами даже признал, что сам не верит в то, «что армяне откажутся от своих требований по вопросу Геноцида». Открытие границ и нормализация двусторонних отношений могут в какой-то степени замедлить процесс признания, но не остановят его, т.к. основным проводником идеи признания Геноцида является не армянское государство, а армянская диаспора. В конце концов, процесс международного признания Геноцида начался еще тогда, когда не существовало нынешней Республики Армения, а извест-

ная резолюция Европарламента по Геноциду армян была принята еще в далеком 1987 г., когда никто в мире и не мог представить, что через четыре года Армения станет независимой.

Очевидно, что процесс признания Геноцида и использование его Арменией как ресурса (эффективность и чувствительность чего в настоящее время открыто признается турецкими экспертами и политиками) будет продолжаться до тех пор, пока отношения между Арменией и Турцией не будут нормализованы, когда бы это ни произошло. Турция будет вынуждена отвлекать значительные ресурсы исключительно для противодействия деятельности армянской диаспоры, а не для решения собственных насущных внешнеполитических задач. В частности, как отмечает американский эксперт турецкого происхождения и бывший кандидат в члены конгресса США Осман Бенгур, «по различным расчетам, турецкое посольство в Вашингтоне тратит примерно 70% своего рабочего времени на то, чтобы убеждать американских руководителей поддержать турецкую позицию в Армянском вопросе»¹⁵. В силу того, что Турция в своей деятельности по противодействию принятию резолюций по Геноциду вынуждена противостоять не просто лоббистским группам влияния, а армянским организациям США, представляющим политические интересы определенной части американского общества и налогоплательщиков, задача Анкары представляется чрезвычайно сложной. Аналогичная ситуация складывается и во многих странах ЕС со значительной армянской диаспорой, особенно во Франции.

¹⁵ Osman Bengur, "Turkey's Image and the Armenian Question", *Turkish Policy Quarterly*, vol.8, N.1, p.45.

4.2. Процессы внутренней либерализации и европеизации Турции, роль международного сообщества

Конец 2008 – начало 2009 гг. создали достаточно уникальную ситуацию в политике Запада по отношению к Турции. Избрание Барака Обамы – по мнению ряда турецких экспертов, самого проармянского американского президента в истории (особенно с учетом вхождения в его администрацию вице-президентом Джо Байдена, а госсекретарем – Хиллари Клинтон)¹⁶, новые препятствия на пути членства Турции в ЕС и попытки переосмысления внешнеполитических приоритетов внутри самой Турции сделали Анкару достаточно уязвимой для давления со стороны западных стран (особенно США) в вопросе нормализации отношений с Арменией.

С другой стороны, в Турции в последние годы заметны глубокие социальные процессы, отражающие кризис кемалистской политической системы и национальной идеологии. Либерализация турецкой политики и усиление европейского вектора среди части турецкой общественности Стамбула и западной Турции повлияли на восприятие «Армянского вопроса» турецкой элитой и общественностью. В этих кругах процесс нормализации отношений с Арменией стал восприниматься как один из символов демократизации и либерализации турецкого общества и государства. Все это самым причудливым образом сливалось с распространением европоцентричных настроений среди либеральных кругов турецкого общества и элиты, становясь частью внутрен-

¹⁶ См. подробнее: The Obama Presidency: A View from Turkey, *SETA Policy Brief*, N.29, January 2009; Tarik Oguzlu, The Hilary Clinton Impact on Turkish-American Relations, *SETA Policy Brief*, N.30, January 2009; Omer Taspinar, Obama's Turkey Policy: Bringing Credibility to "Strategic Partnership", *Insight Turkey*, vol.11, N.1, 2009.

него дискурса на самых различных уровнях турецкой общественно-политической и культурной жизни.

Очевидно, что историческое прошлое армяно-турецких отношений, остающиеся закрытыми границы и неурегулированность отношений с Ереваном делают Турцию уязвимой для внешнего давления со стороны ведущих мировых игроков – США и ЕС. Это дает некоторым политическим силам в Брюсселе и Вашингтоне возможность использовать «Армянский вопрос» как рычаг влияния на Анкару во многих вопросах – от перспектив членства Турции в ЕС до будущего статуса северных курдонаселенных районов Ирака. Это вызывает все большую озабоченность и беспокойство у политической элиты и общественности Турции. Как отмечают авторы совместного аналитического доклада, подготовленного с участием армянских, турецких и европейских экспертов: «Все больше турок осознают, что на международной арене позиция их страны в Армянском вопросе неубедительна и только увеличивает напряженность в отношениях с важнейшими союзниками... До тех пор, пока общественно-политические лидеры будут поддерживать в обществе страх потери территорий и выплаты репараций, Турция будет реагировать оборонительной политикой. Продолжая опасаться любого упоминания термина «Геноцид» ('g-word') как угрозы национальной гордости, внешняя политика Турции будет оставаться заложником событий, находящихся вне ее контроля, особенно касающихся Кавказа»¹⁷.

Надо особо отметить, что для Турции армяно-турецкие отношения – это отношения не только и не столько с ее восточным соседом – Арменией, сколько составная часть

¹⁷ *Noah's Dove Returns. Armenia, Turkey and the Debate on Genocide*. European Stability Initiative, Berlin – Istanbul – Yerevan, 21 April 2009, p.22.

отношений с Западом. И в цивилизационном, и в политическом плане Армения для турок является продолжением западного мира, а армяно-турецкие отношения - это элемент отношений Анкары с Брюсселем и Вашингтоном, к которому прибавляется еще и российский фактор. И во многих случаях именно внешние силы, в особенности США, одновременно являются и субъектом, и объектом «армянского фактора» в политике по отношению к Турции. Армения и армянская диаспора реализуют свои лоббистские возможности в США и в Западной Европе для давления на Турцию, а Вашингтон и Брюссель, когда это необходимо (например, в вопросе членства Турции в ЕС или же в ближневосточной политике), используют тематику Геноцида 1915 г. и необходимость открытия армяно-турецкой границы как удобный повод для критики и сдерживания Анкары.

Не менее важным результатом инструментализации Арменией проблемы Геноцида и влияния его на армяно-турецкие отношения является внутритурецкое измерение так называемого «Армянского вопроса» (в его самом широком понимании). Убийство журналиста Гранта Динка, христианских миссионеров в Трабзоне и в Малатье, а также дело «Эргенекона» подтверждают наличие глубинных националистических, антиармянских, антихристианских и антизападных настроений внутри турецкого общества¹⁸. Это, естественно, приводит к резкой критике существующей внутри Турции ситуации с положением этнических меньшинств и особенно армян со стороны умеренных политических сил и части гражданского общества и политической элиты Тур-

¹⁸ Kudret Bulbul, Bekir Berat Ozipek, Ibrahim Kalin, "Turkey Perceptions of the West", *Insight Turkey*, vol. 10, No 1, 2008, p.130.

ции. Острота проблем с проживающим в Турции армянским меньшинством и груз исторического прошлого влияют на то, что ряд представителей общественности и политических кругов в самой Турции (и тем более — внешние силы) в последнее время все чаще призывают к пересмотру проводимой Анкарой внешней политики в отношении Армении, в том числе увязки карабахской проблемы с процессом армяно-турецкого примирения.

Другими словами, инструментализация проблемы Геноцида, а также активизация общественного обсуждения турецким обществом как своего прошлого, так и нынешнего дискриминированного положения армянского меньшинства в Турции приводят к изменению политического восприятия армяно-турецких межгосударственных отношений, создавая положительный фон для потенциального сближения двух государств. То, что еще совсем недавно было невозможно себе представить, сегодня уже становится политической реальностью: часть турецкого гражданского общества начинает осуществлять давление на официальные власти Турции в вопросе скорейшей нормализации отношений между Ереваном и Анкарой, даже аргументируя необходимость отрыва двусторонних отношений от карабахской проблематики.

4.3. Экономические и коммуникационные стимулы

Последствия российско-грузинской войны 2008 г., ускори́в общую динамику армяно-турецких отношений, создали также новые предпосылки для армяно-турецкой нормализации. Например, проявившиеся в результате этой войны коммуникационные риски Грузии подстегнули интерес уже в первую очередь Анкары к возможности открытия

границ с Арменией и использования ее территории в качестве альтернативного транспортного и даже энергетического коридора для Турции. В результате Пятидневной войны и временного прекращения функционирования всех коммуникационных и энергетических проектов, проходящих через Грузию, со стороны ряда турецких экспертов и политиков, даже на уровне главы МИД Турции Али Бабаджана, стали высказываться мнения, что «Армения могла бы стать также альтернативой для прохождения газопровода, идущего на Запад со стороны Каспийского моря по территории Грузии, ставшей ненадежной после российской интервенции»¹⁹. Таким образом, после Пятидневной войны Турция неожиданно для себя обнаружила, что нуждается в альтернативных коммуникационных путях на Южном Кавказе.

Армения также столкнулась с новыми региональными вызовами. Парадоксально, но усиление позиций и влияния России на Южном Кавказе по результатам победоносной августовской войны одновременно отдалило Россию от Армении. В первую очередь, практически полностью закрылись коммуникации, соединяющие Россию с Арменией, по которым осуществлялось, в том числе, снабжение дислоцированной в Армении российской базы. Возможность транзитного использования грузинской территории для снабжения российских войск в Армении предусматривалась заключенными в 2005 г. между Москвой и Тбилиси договоренностями о выводе российских военных баз с территории Грузии. Однако после российско-грузинской войны военный транзит из России в Армению через территорию Грузии прекратился и в

¹⁹ Армения в турецкой схеме – альтернативный Грузии маршрут прокачки азербайджанской нефти: Али Бабаджан // www.regnum.ru, 08.09.2008.

обозримом будущем вряд ли возобновится. Как, впрочем, затруднены и условия транспортировки невоенных грузов из России в Армению и обратно через территорию Грузии.

Использование же территории Азербайджана, а равно Ирана или Турции для транзита российских военных грузов в Армению хотя и не исключено, но связано с политическими сложностями и ограничениями еще более высокого уровня. Во всяком случае, в настоящее время снабжение российской военной базы в Армении осуществляется в основном по воздуху. Это уникальная ситуация в условиях неурегулированного армяно-азербайджанского конфликта, притом, что наземные коммуникации между Арменией и Азербайджаном не действуют еще с начала 1990-х гг. ввиду блокады со стороны Баку. Как бы то ни было, последствия Пятидневной войны и в прямом, и в переносном смысле значительно отдалили Россию от Армении. Вполне естественно, что такая динамика в армяно-российских взаимоотношениях не могла не сказаться на взаимоотношениях Еревана как с Тбилиси, так и с Анкарой.

После Пятидневной войны и потери (во всяком случае, на обозримую перспективу) Абхазии и Южной Осетии, Грузии уже нечего терять и уступать в территориальном плане. Поэтому после августовских событий 2008 г. грузинское общество и политическая элита чрезвычайно ревниво реагируют на все политические процессы, которые могут в той или иной мере отразиться на региональных позициях страны. Например, урегулирование (или даже подвижки к урегулированию) карабахского конфликта снизит региональную значимость Грузии, лишит ее тех экономических и политических преимуществ, которые получает Тбилиси в условиях наличия конфликта между двумя ее соседями по Южному Кавказу. Даже изменение общего фона вокруг ка-

рабахского конфликта, как опасаются многие в Грузии, может негативно сказаться на монопольном региональном положении Грузии. В частности, как отмечают грузинские эксперты, в Грузии есть ощущение, что в случае армяно-турецкого сближения, открытия границ и коммуникаций Тбилиси потеряет свою привилегированную позицию в региональных транзитных и экономических проектах. Впрочем, грузинские эксперты также отмечают, что открытие армяно-турецкой границы снизит российское военно-политическое присутствие в Армении и в целом на Южном Кавказе, что исходит и из интересов Грузии²⁰.

Кроме коммуникационных факторов, определенную побудительную роль играют и социально-экономические стимулы. С тех пор, как турецко-армянская граница протяженностью около 350 км была закрыта в 1993 г. по инициативе Анкары, единственный способ попасть из Армении в Турцию напрямую – авиарейс Стамбул-Ереван, открытый в 1996 г. Основной же товарооборот между Арменией и Турцией осуществляется через Грузию. По словам главы Турецко-армянского совета по развитию бизнеса Каана Сояка, объем товарооборота между Арменией и Турцией составляет не менее 100-120 млн. долларов США, в основном в виде экспорта из Турции в Армению. По данным посольства США в Армении, Турция является седьмым по счету торговым партнером Армении. В связи с отсутствием официальных отношений с Арменией местом назначения турецких товаров вместо Армении указывается Россия или же Грузия. Часто турецкие товары экспортируются в Армению через так называемые «ширмы» - кампании, зарегистрированные

²⁰ Gia Nodia, “How Much Has the World Changed? Implications for Georgia’s Policies”, *CIPDD Policy Review*, April 2009, p.9.

чаще всего в Швейцарии, а упоминание Турции как страны-производителя в маркировке груза отсутствует.

Объем товарооборота может радикально измениться в случае открытия турецко-армянской границы и разблокирования коммуникаций. В экономически отсталых приграничных восточных регионах Турции представители местной администрации неоднократно высказывались в пользу открытия турецко-армянской границы и установления торгово-экономических отношений с армянскими деловыми кругами. В приграничных с Арменией регионах Турции уровень бедности в несколько раз выше, чем в более развитых западных регионах, не говоря уже о Стамбуле, и местное население рассчитывает на открытие армяно-турецкой границы как на возможность решить насущные социально-экономические проблемы.

В самой же Армении в официальном и общественном дискурсе вокруг экономической целесообразности открытия турецко-армянской границы не существует единого мнения. Те круги, которые выступают против открытия границы, мотивируют свое решение необходимостью оградить отечественное производство от потока дешевых турецких товаров и не оказаться слишком зависимыми от турецкого пути экспорта армянских товаров. За открытие границы выступают в основном деловые круги, которые рассчитывают использовать турецкую территорию для выхода на международные рынки по более низким тарифам.

4.4. Попытки Турции играть новую роль в региональной политике и асимметрия взаимного восприятия

Со времен завершения Холодной войны и распада биполярной мировой системы в начале 1990-х гг. и вплоть до настоящего времени Турция продолжает поиски новой

ниши в региональной политике. С одной стороны, Анкара потеряла свою значимость в регионе так называемого Большого Ближнего Востока ввиду потери для США своей роли как антикоммунистического бастиона НАТО. С другой стороны, распад СССР создал для Анкары новые возможности проводить свою политику на постсоветском пространстве, в особенности в сфере энергетических проектов. Но при этом Турция в последние годы все более чувствовала груз своих нерешенных проблем, как по периметру границ (кипрская проблема, курдский вопрос в Ираке и т.д.), так и внутри страны (курдская проблема, вопрос о геноциде армян и греков, а также нынешняя ситуация с христианскими меньшинствами Турции).

Пришедшая к власти в Турции партия «Справедливость и развитие» (АКП, *Adalet ve Kalkınma Partisi*) взяла на себя ответственность по решению этих проблем, что во внутренней политике проявилось в шагах по либерализации отношений к курдскому вопросу и переосмыслению взаимоотношений с армянами, а во внешней политике — попытках нормализации отношений со всеми соседями по всему периметру границ. Эта стратегия АКП во внешней политике с подачи ее главного идеолога, нынешнего главы МИД Турции Ахмеда Давудоглу получила название «ноль проблем с соседями». Хотя Турции в последние годы удастся налаживать взаимоотношения с некоторыми из своих соседей — Сирией, Ираном и отчасти Грецией, тем не менее, остались нерешенными три очень серьезных вопроса — кипрский, курдский и армянский. Кипрский и курдский вопросы — намного более чувствительные проблемы для турецкого общества. В скором будущем они вряд ли будут решены и продолжают оставаться балластом на пути внутривосточного развития Турции

и реализации внешней политики Анкары. Провал (или, во всяком случае, серьезный регресс) «курдской инициативы» Эрдогана после запрета в декабре 2009 г. Конституционным судом Турции прокурдской Партии демократического общества в очередной раз продемонстрировал крайнюю сложность курдской проблемы. Во многом аналогична ситуация и с проблемой Кипра. На этом фоне Турция, с одной стороны, становится еще более уязвимой для внешнего давления в «Армянском вопросе», а с другой стороны - именно нормализация отношений с Арменией потенциально может стать единственным удачным примером эффективной реализации внешней политики Турции за последние годы и способствовать восстановлению пошатнувшегося имиджа Турции в мире.

Для общего понимания динамики турецко-армянских отношений также необходимо учитывать асимметрию взаимного восприятия Армении и Турции. Если для Армении и армян диаспоры взаимоотношения с Турцией имеют статус проблемы национальной безопасности, то в случае с Турцией ситуация несколько иная. Для Турции и турецкого общества «Армянский вопрос» - скорее проблема исторической ответственности, сохранения имиджа, негативный фон во взаимоотношениях с важнейшими союзниками на Западе. Для 70-миллионной Турции взаимоотношения с Арменией — скорее головная боль, тогда как для Армении это проблема первостепенной важности. Соответственно, позиция Армении в армяно-турецком политическом процессе более консолидирована. Для Армении Турция важнее, чем Армения для Турции. При этом Анкара может пойти на большой прогресс во взаимоотношениях с Ереваном, рассчитывая на получение политических и пропагандистских дивидендов на более высоком

уровне и в большем масштабе. Образ беспристрастного и открытого к диалогу партнера, страны, которая урегулирует отношения со всеми соседями и готова к трудным компромиссам и конструктивному диалогу по самым сложным вопросам может повысить имидж Турции в глазах как Европы и США, так и мусульманского мира. Такой имидж благоприятен для распространения *Soft Power* Турции, особенно с учетом того дискурса, который стал в последнее время чрезвычайно популярным в турецком обществе и экспертных кругах, и символизирует ту новую роль, которую может сыграть Турция в урегулировании региональных конфликтов в случае позиционирования себя как беспристрастного соседа²¹.

Открытие границы с Арменией на Востоке позволит Турции получить важнейшие политические и пропагандистские дивиденды на Западе – в первую очередь в диалоге с ЕС. Армения же, в случае открытия границ с Турцией и установления полноценных двусторонних отношений, сможет в политической сфере повысить уровень своей безопасности, а в экономической – использовать коммуникационные возможности Турции для дальнейшего развития²². Таким образом, возможные выгоды для обеих стран лежат в очень разных сферах, и это влияет на восприятие проблемы обществом и политиками.

²¹ Hakan Altınay, “Turkey’s Soft Power: An Unpolished Gem or an Elusive Mirage?” *Insight Turkey*, vol. 10, No 2, 2008, p.56.

²² Aybars Gorgulu, Sabiha Senyuçel Gundogar, Alexander Iskandaryan and Sergey Minasyan, “Turkey-Armenia Dialogue Series: Breaking the Vicious Circle”, *TESEV – Caucasus Institute Joint Report*, Istanbul, April 2009, pp.13-16.

4.5. Внешнеполитические стимулы для Армении: изменение фона вокруг карабахского конфликта и повышение региональной значимости страны

Начиная с середины 1990-х гг., после завершения военной фазы карабахского конфликта армянская политическая элита демонстрирует, что Армения готова, несмотря на все политические и экономические издержки, строить внешнюю политику вне зависимости от процесса карабахского урегулирования. Складывающаяся вокруг карабахского конфликта ситуация не позволяет надеяться на урегулирование отношений с Азербайджаном в краткосрочной или даже среднесрочной перспективе. Соответственно, Армения налаживает, в отрыве от карабахского фактора, отношения с различными странами и акторами региона и мира. Армянская политическая элита рассчитывает, что созданием условий для региональной интеграции и установлением общего фона более доверительных отношений в перспективе будет создано поле для постепенного налаживания сотрудничества и с Азербайджаном. В Ереване одним из путей к этому считают налаживание политических отношений между Арменией и Турцией.

Пятидневная война августа 2008 г. значительно снизила военные риски в зоне карабахского конфликта, показав бесперспективность силового и одностороннего решения, и тем самым на достаточно долгую перспективу закрепила военный статус-кво в зоне конфликта. Политическая ситуация вокруг конфликта также развивалась в благоприятном для Армении направлении, поскольку двусторонняя блокада Армении была одной из основных составляющих политики Азербайджана в его политическом противостоянии с Арменией и Нагорным Карабахом, а потенциальное открытие армяно-турецкой границы может свести эти усилия на

нет. Кроме этого, инициативное участие Армении в армяно-турецком процессе, поддерживаемом США и ЕС с молчаливого согласия Москвы, довольно положительно отразилось на имидже и весе Армении в регионе. Можно даже сказать, что своей турецкой инициативой Армения вырвалась из исключительно южно-кавказского контекста своего политического и информационного существования, пытаясь занять самостоятельную нишу в большой игре великих держав, используя косвенные ресурсы ЕС, США и России в процессе налаживания отношений с Турцией. Все эти факторы повышают заинтересованность Армении в успехе армяно-турецкого примирения.

5. Перспективы процесса

5.1. Перспективы ратификации

Армяно-турецкие протоколы являются результатом длительного компромиссного согласования и тяжелых переговоров. Исходя из этого, не приходится рассчитывать на соответствие всех положений парафированных документов интересам обеих сторон. Протоколы не идеальны, это результат осознанного и очень тяжелого компромисса со стороны политического руководства двух стран в попытках нащупать путь навстречу друг другу и начать процесс исторического примирения двух народов. Очень возможно, что дальнейший путь к ратификации и последующей реализации протоколов также будет не менее сложным и длинным.

Благоприятный международный и региональный контекст вокруг армяно-турецкого процесса на начало 2010 г. все еще сохраняется: США и Европа продолжают выступать с поддержкой проекта, а Пятидневная война 2008 г., ускори́в события и создав соответствующий внешнеполитический фон, положительно изменила позицию России в отношении армяно-турецкого процесса. Однако затягивание и замедление процесса во внутривнутриполитическом поле двух стран может привести к серьезным проблемам для успешного завершения процесса. Замедление процесса приводит

к недовольству и фрустрации как политических сил, так и широких групп населения и в Армении, и в Турции. У сторон появляется неуверенность и недоверие друг к другу, ощущение того, что четких перспектив по нормализации отношений на самом деле не существует, и поля для взаимных компромиссов между Арменией и Турцией нельзя найти. Это, в свою очередь, приводит к спекуляциям и создает серьезные проблемы для политиков внутри обеих стран, а увязка одной из сторон процесса ратификации с дополнительными условиями, не зафиксированными в тексте протоколов, приводит к предсказуемым ответным шагам другой стороны и может завести ситуацию в тупик.

В Армении все это приводит к актуализации исторических фобий, что в свою очередь вызывает отторжение процесса как такового. А это влияет уже и на армянские общины диаспоры, и так с глубоким подозрением относящиеся к процессу примирения с турками. Аналогичные негативные процессы проявляются и в Турции, что усиливается резким снижением популярности правящей партии и лично премьера Эрдогана, приближением даты парламентских выборов и нарастающей критикой армяно-турецкого процесса со стороны оппозиционных сил.

Если процедура ратификации протоколов и процесс примирения приостановятся, то фрустрация может захлестнуть весь процесс и сделать его продолжение крайне сложным. А это, в свою очередь, может сделать ситуацию хуже, чем она была до начала «футбольной дипломатии», особенно с учетом приближающейся годовщины Геноцида. Однако, как представляется, на данный момент возможность ратификации и продолжения армяно-турецкого процесса на основе компромиссных подходов все еще сохраняются в приоритетах политического руководства Армении и Турции.

5.2. Будущие проблемы

На момент завершения исследования (середина января 2010 г.) вероятность ратификации протоколов и открытия границы сохраняется. Хотя собственно текст протоколов может быть предметом критики, важно, что в них заложены серьезные механизмы имплементации процесса нормализации отношений и открытия границ. Фактически, они представляют собой «дорожную карту» нормализации. Нельзя исключить, несмотря на детально зафиксированный в протоколах механизм полноценной нормализации отношений, что даже в случае ратификации процесс будет также замедляться и усложняться искусственными техническими накладками, сознательно или не сознательно выдвигаемыми одной из сторон.

Однако это совершенно не означает, что в случае открытия границ существующие проблемы исчезнут или хотя бы уменьшатся. Проблемы, несомненно, трансформируются, и возможно, обострятся. Открытые границы дадут сотням тысяч, а быть может, и миллионам людей возможность посещать соседнюю страну, о которой в настоящий момент они не имеют ни малейшего представления. Для армян станет возможным посещение регионов Турции, которые являются частью истории армянского народа и в которых родились и жили предки очень многих жителей нынешней Армении. Увидев, в каком состоянии находится армянские исторические памятники в этих регионах, они неизбежно испытают шок. В Турции появление приезжих из Армении может пробудить воспоминания о Геноциде и вызвать, с одной стороны, негативную реакцию части населения, а с другой – выход в публичную сферу дискурса о проживающих в Турции т.н. «криптоармянах»: сохранивших какие-либо формы армянской идентичности потомках армян,

тюркизированных и потому не изгнанных из Турции во время Геноцида. Нельзя недооценивать и тот факт, что по некоторым данным, до трети населения регионов Турции, граничащих с Арменией, составляют так называемые «азери», т.е. люди, имеющие элементы азербайджанской идентичности.

Все это, скорее всего, на первых порах после открытия границы приведет к падению общего уровня толерантности и радикализации националистов. При открытой границе националистические идеологии будут подпитываться не только идеологическими конструкциями и историческими аллюзиями, но и бытовыми проблемами и конфликтами, которых в настоящее время нет просто в силу отсутствия контактов между двумя народами. Впрочем, возникающие проблемы будут сглаживаться экономическими преимуществами открытых границ.

Об авторах

Александр Искандарян — политолог, директор Института Кавказа. Сфера его профессиональных интересов включает этнополитические конфликты, посткоммунистическую трансформацию и процессы нациостроительства на постсоветском пространстве, особенно на Кавказе.

Сергей Минасян — политолог, руководитель отдела политических исследований Института Кавказа. Занимается проблемами региональной безопасности и урегулирования этнополитических конфликтов на Южном Кавказе.

Об Институте Кавказа

Институт Кавказа является одним из ведущих аналитических и образовательных центров в Армении и в регионе и ведет политологические, социальные и медиа-исследования в применении как к Южному, так и к Северному Кавказу. Сфера научно-исследовательской деятельности Института включает также региональные исследования в более широком контексте.

Институт Кавказа основан в Ереване в 2002 г. и имеет сложившуюся репутацию нейтральной и неполитизированной платформы для дискуссий по острым вопросам политического и социального развития региона. По результатам научной работы ИК проводит экспертные совещания, круглые столы и конференции, издает различного рода публикации, в том числе Ежегодники, освещающие различные аспекты общественно-политической и социально-экономической жизни Северного и Южного Кавказа.

Кроме чисто теоретической и практической аналитической работы, важной особенностью исследовательской деятельности ИК является тесная связь с информационной сферой для более широкого ознакомления общественности и политических элит стран региона с результатами научно-исследовательской работы Института, а также фор-

мирования общественного мнения и профессионального дискурса и выработки рекомендаций принимающими политические решения акторами. С этой целью ИК ведет интенсивную работу со средствами массовой информации, широко популяризируя результаты научных исследований и способствуя широким общественным дебатам в Армении и на всем Кавказе.